

УДК 81'27

«РЕЛИКТОВОЕ ЧУВСТВО»: ПОРЯДОЧНОСТЬ ПО ДАННЫМ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
С. Г. Воркачев^{1, @}

¹ Кубанский государственный технологический университет
 @svork@mail.ru

Аннотация: На материале «Национального корпуса русского языка» исследуются семантическая структура, семантическая эволюция и особенности речевого употребления лексических единиц «порядочность» и «порядочный человек». Устанавливается, что: порядочность как категория морального сознания оценочно амбивалентна; в речевом употреблении лексических единиц «порядочность» и «порядочный человек» наблюдаются явные сдвиги в семантике и перераспределении мест их лексико-семантических вариантов, а также появление речежанровой окраски; в определенной части контекстов эти показатели способны функционировать как лингвоидеологемы – менять свой аксиологический знак на противоположный при смене «пользователя» языка; психологический статус порядочности для носителей русского языка остается достаточно неопределенным; в контекстах речевого употребления показателей порядочности вербализуются отдельные «факторы порядочности» (честность, правдивость, верность, искренность, доброта, принципиальность, отзывчивость, справедливость и пр.); наблюдения над атрибутивным расширением имен «порядочность» и «порядочный человек» свидетельствуют о градуативности этого морального качества; существует определенная иерархия признаков порядочности, в которой выделяются признаки обязательные и признаки факультативные.

Ключевые слова: порядочность, порядочный человек, этическая норма, факторы порядочности.

Для цитирования: Воркачев С. Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 111 – 116.

Констатируется, что в настоящее время слово «порядочность» относится к числу «забытых» наряду со словами «честь», «совесть», «родина», «интеллигент», «галюши», «мещанин» и пр. и его уже можно включать в синодик – поминальный список личных имен живых и усопших [11, с. 499 – 521]. Это, конечно, преувеличение – оно отнюдь не забыто и из лексической системы русского языка не ушло, в то же самое время, несомненно, частотность его речевого употребления заметно снизилась.

По мысли Аристотеля, «языковые выражения суть знаки для душевных впечатлений» [8, с. 12], и снижение частоты речевого употребления первых, безусловно, свидетельствует о том, что из сознания уходят и вторые, – выпадение из речевого обихода какого-либо слова, как правило, указывает на утрату общественной значимости той реалии, к которой оно отправляет.

Порядочность как совокупность специфических норм регулирования социального поведения – категория обыденной, «наивной» этики, включающей лингвокультурные концепты – «понятия жизненной философии» [1, с. 3 – 6;], «обыденные аналоги мировоззренческих терминов» [2, с. 617 – 631], закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса.

В религиозном дискурсе порядочности, очевидно, соответствуют праведность как результат безгрешности – воздержания от запретных действий [3, с. 244 – 245] – и результат последней – блаженство как состояние высшей духовной удовлетворенности и не прекращающейся радости [4, с. 37].

Слово «порядочность» отсутствует в этимологических словарях и это понятно: его «внутренняя форма» вполне прозрачна и его происхождение не требует каких-либо изысканий. В то же самое время, очевидно, нуждается в объяснении семантический переход от порядка как «правильного, налаженного

состояния, расположения чего-либо» [10, с. 515] к «неспособности к низким поступкам» [13, т. 3, с. 619]. Как представляется, недостающее семантическое звено присутствует в толковом словаре Владимира Даля – это ряд значений прилагательного «порядочный»: «**порядочный**, идущий порядком, по порядку, сряду... *Порядочный человек*, любитель порядка, или ведущий, держащий себя изрядно, прилично, как должно» [7, т. 3, с. 327], где наглядно представлен перенос упорядоченности «вещного» мира на мир духовный, мир нравственных ценностей и поведенческих норм.

Порядочность – это не отдельное моральное свойство личности, такое как доброта, честность, скромность и пр., но её интегральное, обобщенное свойство: склонность поступать в межличностном общении в соответствии с полным набором этических норм и поведенческих правил, то, что в английском языке передается словом *integrity* – *an uncompromising adherence to a code of moral, artistic or other values; the quality or state of being complete or undivided* [14, p. 1174] – «бескомпромиссное следование нормам моральных, художественных или иных ценностей; качество или состояние полноты и целостности».

Порядочность – это некий специфический свод этических норм, предписаний и запретов, регулирующий отношения в социуме. В отличие от норм права нормы порядочности опираются не на закон, а на обыденное моральное сознание, носят «светский», а не религиозный характер, т. е. не предполагают веры в Закон Божий. В то же самое время этические нормы, составляющие кодекс порядочности, не столь ригористичны, как нормы философской этики, и при определенных обстоятельствах допускают исключения.

Наблюдения над контекстами речевого употребления лексемы «порядочность» и словосочетания «порядочный человек/люди» в «Национальном корпусе русского языка» [9] свидетельствуют, в первую очередь, о явных сдвигах в семантике этих лексиче-

ских единиц и о перераспределении мест их ЛСВ на протяжении последних двухсот лет: порядочность от приличия – соблюдения внешних и формальных норм и обычаев («Деревенские *приличия* или, вернее, деревенская *порядочность* строго преследует всякое по-ползновение к нарушению в церкви благоговейной тишины» – Чехов, 1884) – становится свойством души («Или сказывается чрезмерная *внутренняя порядочность*, когда человеку сложно себя кому-то навязывать?» – Искусство кино, 2003.06.30); она «демократизируется» – из знатности, «породистости», принадлежности к высшим слоям общества («Ваше Высочество, сельди здесь не едят *порядочные люди*, а только *простой народ*» – Боголюбов, 1888) и атрибута зажиточности («Это профиль человека, который ездит на резине, имеет свои собственные дома, дачу в Крыму, лакея, который докладывает каждый день о состоянии погоды, – одним словом, живет *порядочным человеком*» – Мамин-Сибиряк, 1894) становится достоинством любого человека.

Эти наблюдения свидетельствуют также об их речеванровой окраске: они регулярно появляются в составе всяческих панегириков – здравиц, юбилейных и надгробных речей – и в текстах самопрезентации и саморекламы – брачных объявлениях: «Эрудиция, богатый опыт, профессионализм, высокая самоотдача, трудолюбие, человеческая *порядочность* и честность, чуткость по отношению к людям, чувство юмора – вот далеко не полный перечень достоинств этого человека» (Пермский строитель, 2004.06.07); «Необходимы: молодость, красота, здоровье, *порядочность* и содержательность» (Брачные объявления // Новое время, 1908.03.15); «Аденома. Инфекции. *Порядочность*. Тел. 184-61-17» (Объявления // Столица, 1997.12.08).

Контексты речевого употребления слов «порядочность» и «порядочный человек» отражают сетования носителей языка по поводу дефицита порядочности и порядочных людей («Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как *мало* честных, *порядочных людей*» – Чехов; «Скажу вам откровенно, я прямо поражаюсь отсутствию у нас *порядочных людей*» – Устрялов) и констатацию исчезновения понятия порядочности, а также выхода из речевого оборота соответствующего слова («Из нашего языка куда-то вдруг *исчезли* понятия чести, совести, человеческого достоинства, верности принципам, *порядочности*, благородства» – Серова; «Вот *вышли из моды* вечные истины: гуманизм, добро, *порядочность*» – Вестник США, 2003.07.23). Порядочность причисляется к пережиткам, получает эпитет «реликтовой» («На фоне коммерческого разгула, идейного празднословия и безобразной безвкусицы Шефнер, естественно, выглядел пуританином, а его старинная учтивость и *реликтовая порядочность* бросали вызов удалой вседозволенности» – Кузьмичев), объявляется «старомодным понятием» («Что-то надломленное в ней все больше тяготело к таким *старомодным*, казалось бы, понятиям, как “совесть”, “*порядочность*”, “доброта”, именно их вышелушивало из жесткого императива будней» – Кабо) и «устаревшим качеством души» («И каковы взгляды работников завода на всех уровнях, скажем, на такое *устаревшее качество души*, как *порядочность*» – Прашкевич-Богдан).

По данным речевого употребления лексем «порядочность» и «порядочный человек/люди» это «качество души» оценочно амбивалентно.

С одной стороны, теоретически (вообще или для других) порядочность представляет собой высшую ценность («Времена меняются, а человеческая *порядочность* – вечная ценность» – Быков-Деркач), за обладание которой человека уважают и ценят («За честность, *порядочность* и трудолюбие его уважают и ценят учащиеся и педагоги, очень любит семья» – Уральский автомобиль, 2004.01.31). В то же самое время практически (для себя) порядочность достаточно вредоносна, поскольку «самое невыгодное, бесполезное и глупое – это быть *порядочным человеком*» (Вергинская). Порядочность заведомо проигрывает подлости («*Порядочный человек* перед подлецом – бессилён: он не может воспользоваться его оружием» – Бабаян) и за неё приходится расплачиваться («Может быть, понимание того, что за *порядочность* так или иначе надо платить» – Искандер). Порядочность – это условность («Условности, именуемые *порядочностью* или корпоративной этикой, для обоих ничего не значили» – Скворцов), с помощью которой в жизни не преуспеть («Честностью и *порядочностью* вы ничего не добьётесь» – Женщина + мужчина: Брак (форум), 2004), рассчитывать на неё не следует («Мы никогда не ошибаемся, если рассчитываем на человеческое свинство, – сказал Служкин. – Ошибаемся, лишь когда рассчитываем на *порядочность*» – Иванов).

Наблюдения над речевым употреблением лексем-показателей порядочности свидетельствуют также о том, что в определенной части контекстов они способны функционировать как лингвоидеологемы: они способны менять свой аксиологический знак на противоположный («плюс» на «минус» и наоборот) при смене «пользователя» языка – субъекта-носителя идеологии [5, с. 4; 6, с. 76]. Так, люди, по меньшей мере, не симпатизирующие существующему порядку вещей в современном им обществе (Н. Г. Чернышевский Л. Н. Толстой, М. Горький, О. Э. Мандельштам и др.), порядочность и её «носителей» – порядочных людей – оценивают отрицательно: «Пошлость, которую он сделал, была бы сделана очень многими другими, *так называемыми порядочными людьми* или лучшими людьми нашего общества; стало быть, это не иное что, как симптом эпидемической болезни, укоренившейся в нашем обществе» (Чернышевский); «Все *порядочные люди* – это идейные мещане... *Порядочность* – мещанский идеал. *Порядочный человек* образуется из платонического почтения к великим реформам и скрытой боязни будочника» (Горький).

В оценочных характеристиках порядочности просматривается некий парадокс: если обладание этим моральным качеством представляет собой норму («Уровень его *порядочности* был явно выше тогдашней *нормы*» – Бовин; «Он хочет от нас просто *элементарной порядочности*, чтобы мы были *нормальными людьми*» – Протоиерей Димитрий Смирнов), то почему же в жизни столь редко встречаются его носители? («Поймут ли когда-нибудь люди, что в иные моменты легче быть *героем*, чем остаться просто *порядочным человеком*?» – Бакланов; «Разве быть честным, *порядочным человеком* в наше время – не *подвиг*?» – Терехов).

Одной из характеристик порядочности выступает также относительность: ориентация её «носителей» на определенную социальную группу, в которую они, естественно, включают себя и на членов которой распространяются нормы порядочности: «Обыкновенно же все общественные обычаи муравьиных обществ, *все правила «порядочности» обязательны только для членов того же муравейника»* (Кропоткин); «Я и о себе говорю, и об Алике, и о чудных наших приятелях, которые остались в Питере, считаются нам компанией. Все милые, *порядочные люди*. Не гадают в своем кругу» (Владимов).

Порядочность в отличие от морали неригористична и допускает отступления: «Сказать ли правду: ведь *совершенно порядочного человека*, в обширном, полном смысле, *никогда не было*, да и вряд ли будет, как никогда не было совершенного мудреца, совершенно добродетельного человека» (Гончаров).

Она ситуативна – в определенные моменты и при определенных обстоятельствах от неё можно отступить: «Когда придет пора *делить прибыли*, все эти понятия: честь, совесть, *порядочность* – забудутся и не вспомнятся» (Рыбин); «Когда у тебя в кармане такие деньги, то гори она огнем, эта *порядочность!*» (Коллекция анекдотов, 1970 – 2000).

Она частична – может ограничиваться бытом, личной жизнью человека либо его социальной ролью. Чаще всего под порядочностью вообще понимается порядочность, проявляемая в «партикулярном» общении, называемая «личной» и «(обыкновенной/ простой/житейской) человеческой»: «Его хвалили многие; даже друзья Ступина отдавали справедливость его *личной порядочности*» (Леонтьев); «В таком случае давайте же подтвердим ее нашей *человеческой порядочностью*, добротой намерений и собственной способностью доверять и доверяться» (Аграновский).

В то же самое время порядочность может ограничиваться деловой, профессиональной сферой деятельности – быть служебной, административной, торговой, журналистской, актерской, политической, военной и пр.: «Главное достояние компании – ее *деловая порядочность*» (Горная промышленность, 2003.08.27); «Все это обязывает адвокатов дорожить доверием граждан и чутко относиться к их жалобам, быть образцом *профессиональной* и *человеческой порядочности*, нравственной чистоты и бескорыстия» (Литературная газета, 1971.05.05); «И как человек он мне нравился. Особенно нравилась его *служебная порядочность*» (Хрущев); «Простая *политическая порядочность* меня удерживает от критики: они не свободны и не могут ответить» (Кизеветтер); «А Славу постоянно заботила *актерская порядочность*, чистоплотность и, конечно же, моральный климат в коллективе, театральном обществе, городе и во всей стране» (Рецептер); «Где же их *журналистская порядочность*? Зачем приписывать мне то, чего я не говорил?» (Бовин).

Порядочность, естественно, относится к числу этических категорий – добродетелей, идеалов, нравственных принципов: «Не имея возможности подробно останавливаться на содержании рекомендаций по отношениям с каждым из перечисленных партнеров, укажу лишь на их общую основу – *этические параметры* (честность, *порядочность*, надежность, ориентация на долгосрочное сотрудничество, доверие и

т. п.)» (Шихирев); «Не та мягкость характера, которую мы называем добротой и которая может сочетаться с необыкновенной твердостью нравственной позиции, а именно отсутствие *нравственных принципов, составляющих порядочного человека*, полная послушность его среде, конформность» (Эфрос). Однако психологический статус этой моральной категории для носителей русского языка остается достаточно неопределенным – она относится как к рациональной, сознательной области психики, так и к эмоциональной, подсознательной.

С одной стороны, язык классифицирует порядочность как понятие («Из нашего языка куда-то вдруг исчезли *понятия* чести, совести, человеческого Достоинства, верности принципам, *порядочности*, благородства» – Серова), с другой же, она попадает в разряд инстинктов и чувств («Не хватило смелости? Или просто не сработал *инстинкт порядочности?*») – Очковская; Но *чувство порядочности* осилило – решил по приезде поговорить и, если представится возможность, расстаться» – Шолохов).

«Чувственная», «инстинктивная» квалификация порядочности в контекстах речевого употребления, безусловно, преобладает и, как следствие, определяет атрибуцию этому моральному качеству свойства врожденности: «Он давно бы мог спрыгнуть с мостков и за две-три минуты очутиться дома, к его чести, нужно заметить, он даже не подумал об этом, его удерживало *врожденное чувство порядочности* и долга» (Проскурин); «Слепаки верили в *изначальную порядочность* людей, которых выбрали себе в друзья, и не желали видеть в них двурушников» (Рубин); «А теперь запишите следующее важное замечание: художественной стороне своей природы я дал заслонить мою *коренную порядочность*» (Набоков); «Сама она была не способна к прохиндейству – по своей *природной порядочности* и какой-то старомодной стыдливой женственности» (Палей).

Наблюдения над речевым употреблением показателей порядочности подтверждают мысль Ю. С. Степанова о близости и даже тождественности нравственного закона и этики интеллигенции, порядочного человека и человека интеллигентного [12, с. 644]: «Убежден, что, если *интеллигенция*, все *порядочные люди* России не поднимут голос против разгулявшихся молодчиков и их политических главарей, беда неминуема» (Яковлев); «*“Подлинный интеллигент”*» (еще говорили: «*порядочный человек*») не вступает в партию и не занимает руководящих постов и т. д.» (Азадовский); «Умница, *интеллигент*, в высшей степени *порядочный человек*» (Булыкин); «Однако несомненная *порядочность* и несомненная *интеллигентность* его мне симпатичны» (Алексеев).

В контекстах речевого употребления показателей этой моральной категории встречается отсылка к свойственной порядочным людям презумпции порядочности: «Что это, уверенность *порядочного человека*, что никто, никогда не будет вести себя с ним непорядочно, или наивность простофили, уравнивающего порядок с добропорядочностью?» (Пятигорский); «Эту трудность он преодолевал самым легким для себя способом – презумпцией полной невиновности любого человека, с которым его сводила судьба, или *презумпцией порядочности*» (Горелик).

В текстах XIX – XX вв. встречается отсылка к своего рода «скрытой кальке» с английского и французского языков в ныне устаревшем значении «порядочного человека»: «Вместе с тем Пушкин не упускает случая поставить грань между профессией поэта и частной жизнью, в которой он является и должен быть принят как “*порядочный человек*”, т. е. *джентльмен, gentilhomme*» (Тынянов); «Я очень рад, что нашёл в вас *порядочного человека, джентльмена*, способного понимать с полуслова» (Куприн); «Это называется *человек порядочный, un homme comme il faut*» (Булгарин).

В контекстах речевого употребления показателей порядочности в составе предикативной части высказывания могут вербализоваться отдельные «факторы порядочности» (честность, правдивость, верность, искренность, доброта, принципиальность, отзывчивость, справедливость, деликатность, воспитанность, чувство собственного достоинства, бескорыстие, патриотизм, скромность, духовность и пр.): «*Порядочный человек – тот, который не может предать*» (Немцов); «Знаю только одно, что *порядочный человек* никогда не *оставит в беде другого, не предаст*» (Семья, 2001.11.14); «*Справедливость – доблесть избранных натур, правдивость – долг каждого порядочного человека*» (Ключевский); «*Порядочный человек* нигде и ни в каком случае не должен *отступаться от своих убеждений*» (Тургенев); «*Порядочный человек* подсознательно требует от себя *полноты справедливости*, чем пользуются люди, плюющие на всякую справедливость» (Искандер); «*Порядочные люди*, мне кажется, не только *уважают других, но и себя* также, а ведь после сделанной мерзости уважать себя как-то трудно» (Никитин); «*Страшно мне это кажется, как порядочный человек может сделать подлость для своих выгод?*» (Надсон); «А ведь прискорбно будет, поручик, если вы, с вашими познаниями, с вашими способностями, с вашим патриотизмом – потому что *порядочный человек не может не быть патриотом* – прискорбно будет, если со всем этим вы не получите себе приличного места» (Салтыков-Щедрин); «*Развитой и порядочный человек не может быть тщеславен без неограниченной требовательности к себе самому и не презирая себя в иные минуты до ненависти*» (Достоевский).

Как уже установлено, порядочность – «колическая» категория, некая суммарная добродетель, складывающаяся из соблюдения человеком определенного свода этических норм. В список этих норм входят и честность (прежде всего), и честь (достоинство), и обязательность, и справедливость, и бескорыстие, и душевность, и духовность, и деликатность, и принципиальность, однако языковое сознание свидетельствует, скорее, о «парциальности» этой категории: если человек честен, то, считается, что он уже порядочен, если он обязателен, справедлив, принципиален, благороден, воспитан и пр. – то же самое. Этим, очевидно, и объясняется её неригористичный характер, допускающий нарушение части норм.

Наблюдения над атрибутивным расширением имен «порядочность» и «порядочный человек» свидетельствуют о градуативности этого морального качества, как, впрочем, и любой оценочной категории.

С одного конца шкалы порядочность может быть чрезвычайной, безукоризненной, безупречной, несо-

мненной, абсолютной, патологической, органической, неколебимой, исключительной, необыкновенной, замечательной, неправдоподобной, редкой, подлинной и пр.: «Правда, нечаянно, ибо отличался *патологической порядочностью* и нарочно подслушивать не собирался» (Яхонтова); «Директором института в те годы был Борис Васильевич Ткаченко, человек *органической порядочности* и доброты, немало способствовавший созданию и сохранению в институте здорового психологического климата» (Городницкий); «Но мой английский адвокат был удовлетворен моей *безупречной порядочностью* джентльмена!» (Тарасов).

С другого конца этой шкалы она может быть малой, условной, элементарной, простой и обычной: «Ни в смерти его, ни в жизни его не было никакого величия или хотя бы *малой порядочности*» (Грошек); «Эту чистоту заменяла *условная порядочность* и самая обыкновенная нравственная чистоплотность» (Мамин-Сибиряк); «Кричали о рабстве, хорошо понимая, что рабства нет, а есть при самой *элементарной порядочности* с обеих сторон отношения весьма удовлетворительные, взаимовыгодные» (Меньшиков).

Порядочный человек может быть порядочным в высшей степени, чрезвычайно, безукоризненно, а также относительно и в меру: «*Это в высшей степени порядочные люди*, гордящиеся своей традиционной порядочностью» (Козлов); «Он *чрезвычайно порядочный человек*, и не только он, но и его дети» (Хрущев); «Как уверяют банковские специалисты, знающие его по работе десятки лет, он – *безукоризненно порядочный человек* и высокий профессионал» (Вслух о..., 2003.06.09); «Ехал он скрепя сердце и только потому, что надеялся, что на прииске, куда он был приглашен, управляющий *относительно порядочный человек*» (Станюкович); «Интуиция должна была тебе подсказать обратное: *порядочность совсем не главное твое достоинство... и порядочный ты очень в меру*» (Юрский).

Весьма характерна «размытость» и субъективность границ нормы на «шкале порядочности» – если человек делает маленькие пакости, но не совершает крупных подлостей, то он – порядочный: «Ну, а мы и не замечаем этих противоречий и, если *не делаем сами крупных пакостей* и только, как Пилат, умываем руки при виде их или *делаем маленькие подлости*, то уж считаем себя *порядочными людьми*» (Станюкович). Тем не менее, очевидно, существует определенная иерархия признаков/факторов порядочности, некая «табель о рангах», дающая возможность отделять порядочность от непорядочности, в которой выделяются признаки обязательные, выступающие условием *quae non* – без которых порядочность оборачивается непорядочностью, – и признаки факультативные, без которых она может обойтись.

Косвенным свидетельством обязательности-факультативности этих признаков/факторов можно считать, очевидно, встречаемость их имен в одном смысловом ряду с именем порядочности, и тогда на первое место здесь выступает честность, неспособность к обману и предательству, за которой идут честь/ достоинство и верность принципам. В число факультативных признаков попадут доброта, деликатность, воспитанность (вежливость), чистота/опрятность, терпимость, эстетический вкус и пр.

Наблюдения над речевым употреблением слов «порядочность» и «порядочный человек» в текстах «Национального корпуса русского языка» позволяют прийти к следующим заключениям. Анализ речевого употребления лексем «порядочность» и «порядочный человек» свидетельствует о явных сдвигах в их семантике и перераспределении мест их лексико-семантических вариантов на протяжении последних двухсот лет: порядочность от приличия – соблюдения внешних и формальных норм и обычаев становится свойством души и «демократизируется» – из знатности, принадлежности к высшим слоям общества и атрибута зажиточности становится достоинством любого человека.

Наблюдения над их речевым употреблением свидетельствуют также об их речежанровой окраске: они регулярно появляются в составе всяческих панегириков и в текстах самопрезентации. Это «качество души» оценочно амбивалентно: теоретически порядочность представляет собой высшую ценность, за обладание которой человека уважают и ценят, но практически она считается достаточно вредоносной, поскольку заведомо проигрывает подлости и за неё приходится расплачиваться.

Наблюдения над речевым употреблением лексем-показателей порядочности свидетельствуют также о том, что в определенной части контекстов они способны функционировать как лингвоидеологемы: они способны менять свой аксиологический знак на противоположный при смене «пользователя» языка – субъекта-носителя идеологии. В оценочных характеристиках порядочности просматривается некий парадокс: если обладание этим моральным качеством представляет собой норму, то почему же в жизни столь редко встречаются его носители? Одной из характеристик порядочности выступает также относительность: ориентация её «носителей» на определенную социальную группу, в которую они, естественно, включают себя и на членов которой распространяются нормы порядочности. Порядочность в отличие от морали не-ригористична и допускает отступления, она ситуативна – в определенные моменты и при определенных обстоятельствах от неё можно отступить – и частична – может ограничиваться бытом, личной жизнью человека либо его социальной ролью.

Психологический статус этой моральной категории для носителей русского языка остается достаточно не-

определенным – она относится как к рациональной, сознательной области психики, так и к эмоциональной, подсознательной: с одной стороны, язык классифицирует порядочность как понятие, с другой же, она попадает в разряд инстинктов и чувств. «Чувственная», «инстинктивная» квалификация порядочности в контекстах речевого употребления преобладает и, как следствие, определяет атрибуцию этому моральному качеству свойства врожденности.

Наблюдения над речевым употреблением показателей порядочности подтверждают её близость и даже тождественность нравственному закону и этике интеллигенции. В контекстах речевого употребления показателей порядочности в составе предикативной части высказывания могут вербализоваться отдельные «факторы порядочности» (честность, правдивость, верность, искренность, доброта, принципиальность, отзывчивость, справедливость, деликатность, воспитанность, чувство собственного достоинства, бескорыстие, патриотизм, скромность, духовность и пр.), которые регулярно воспроизводятся также в одном смысловом ряду с именами порядочности, функционируя, в сущности, как их синонимы.

Наблюдения над атрибутивным расширением имен «порядочность» и «порядочный человек» свидетельствуют о градуативности этого морального качества, которое может присутствовать в характере человека в той или иной мере. Характерна «размытость» и субъективность границ нормы на «шкале порядочности». Тем не менее, очевидно, существует определенная иерархия признаков порядочности, дающая возможность отделять порядочность от непорядочности, в которой выделяются признаки обязательные, без которых порядочность оборачивается непорядочностью, и признаки факультативные, без которых она может обойтись. Косвенным свидетельством обязательности-факультативности этих признаков/факторов можно считать, очевидно, встречаемость их имен в одном смысловом ряду с именем порядочности, и тогда на первое место здесь выступает честность, неспособность к обману и предательству, за которой идут честь/достоинство. В число факультативных признаков попадут доброта, деликатность, воспитанность, чистоплотность, терпимость, эстетический вкус и пр.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3 – 6.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Верещагин Е. М. Об относительности мирской этической нормы // Логический анализ языка: языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 235 – 245.
4. Воркачев С. Г. «Блаженство» или «счастье»: макаризм в русских переводах Евангелия // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. Вып. 10. С. 34 – 45.
5. Воркачев С. Г. *Singularia tantum*: идеологема «народ» в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2013. 254 с.
6. Воркачев С. Г. Аксиологическая вариативность лингвокультурного концепта // Воплощение смысла: *conceptualia selecta*. Волгоград: Парадигма, 2014. С. 75 – 237.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998.
8. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: МГУ, 1962. 383 с.
9. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorgo.ru (дата обращения: 11.09.2015).
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. 848 с.
11. Пьецух В. Забытые слова (синодик) // Низкий жанр. М.: ЗебраЕ, 2006. С. 499 – 521.
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2000.

14. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. Cologne: Koenemann, 1993. 2662 p.

Информация об авторе:

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, svork@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

«RELICT FEELING»: HONESTY ACCORDING TO THE CORPUS LINGUISTICS DATA

Vorkachev Sergey G.^{1,@}

¹ *Kuban State Technological University*
@ *svork@mail.ru*

Abstract: Semantic structure, semantic evolution and specificity of speech usage of the lexical units “por’adochnost’” (honesty) and “por’adochnyi chelovek” (honest man) are investigated on the material of the Russian National Corpus. It is established that: the moral category of honesty is ambiguous from the axiological point of view; the speech usage of the lexical units “honesty” and “honest man” suffers semantic shift and redistribution of semantic variants and appearance of speech tinge; those exponents can function in certain contexts as ideological words – as they change their axiological sign into the opposite one in the course of language user changing; the honesty psychological status remains sufficiently indefinite; separate “honesty factors” (integrity, veracity, fidelity, sincerity, fairness etc.) are verbalized in the honesty exponents speech usage; attributive extension of the names “honesty” and “honest man” give evidence of this moral quality gradual character; honesty possesses a hierarchy of certain obligatory and optional features.

Keywords: honesty, honest man, ethical norm, honesty factors.

For citation: Vorkachev S. G. «Relict feeling»: honesty according to the corpus linguistics data. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 111 – 116.

References

1. Arutiunova N. D. Vvedenie [Introduction]. *Logicheskii analiz iazyka. Mental'nye deistviia* [Logical analysis of language. Mental actions]. Moscow: Nauka, 1993, 3 – 6.
2. Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 896.
3. Vereshchagin E. M. Ob otnositel'nosti mirskoi eticheskoi normy [About relativity secular ethical standards]. *Logicheskii analiz iazyka: iazyki etiki* [Logical analysis of the language: the languages of ethics]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, 235 – 245.
4. Vorkachev S. G. «Blazhenstvo» ili «schast'e»: makarizmy v russkikh perevodakh Evangeliiia ["Bliss" or "happiness": Makarisms in Russian translations of the Gospel]. *Iazyk, kommunikatsiia i sotsial'naia sreda – Language, communication and social environment*, no. 10 (2012): 34 – 45.
5. Vorkachev S. G. *Singularia tantum: ideologema «narod» v russkoi lingvokul'ture* [Singularia tantum: the ideologem "people" in the Russian linguistic culture]. Volgograd: Para-digma, 2013, 254.
6. Vorkachev S. G. Aksiologicheskaiia variativnost' lingvokul'turnogo kontsepta [Axiological variability of the linguocultural concept]. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta* [The embodiment of meaning: conceptualia selecta]. Volgograd: Paradigma, 2014, 75 – 237.
7. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg: Diamant, 1998.
8. Zvegintsev V. A. *Ocherki po obshchemu iazykoznaniiu* [Essays on general linguistics]. Moscow: MGU, 1962, 383.
9. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [The Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 11.09.2015).
10. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1953, 848.
11. P'etsukh V. Zabytye slova (sinodik) [Forgotten words (synodic)]. *Nizkii zhanr* [Low genre]. Moscow: ZebraE, 2006, 499 – 521.
12. Stepanov Iu. S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia* [Constants. Dictionary of the Russian culture. Previous studies]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1997, 824.
13. Ushakov D. N. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel'-AST, 2000.
14. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged*. Cologne: Koenemann, 1993, 2662.

Received 01.02.2016, accepted 06.06.2016.